Неделя. — 1990. — 8-14 окт. — с13

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

А. ВАСИЛЬЕВ — ЧЕЛОВЕК НАРАСХВАТ

ЗАНОВО открывая сегодня имена деятелей культуры русского зарубежья, мы вспоминаем обычно тех, кто покинул страну уже в зрелом возрасте; значительная часть их жизни прошла в России, где у многих было крушение надежд и иллюзий. Сегодняшний наш собеседник, Александр Васильев, молод — ему 31 год. На Западе он живет восемь лет, и за это время обрел мировую известность как сценограф, художник по театральным костюмам, историк одежды. Оформленные им спектакли идут почти на всех континентах. Он получает приглашения от крупнейших театров Аргентины и Греции, Германии и Италии, Исландии и Португалии, США и Турции, Франции и Чили, Швейцарии и Японии. По его лекциям учатся студенты в Англии, Бельгии, Франции.

Нынешним летом Александр Васильев побывал в Москве — впервые после женитьбы на иностранке его впустили в Советский Союз. Он прилетел на несколько дней для деловых переговоров со Всесоюзным домом моды, а также с театральными вузами, где предполагается ввести спецсеминары Васильева.

— Как заметил однажды Людовик XIV, «костюм — зеркало истории». Не могу с ним не согласиться,— говорит Александр Васильев.— Мода рождается в самой гуще истории, а костюм — часть материальной культуры, на которую накладывают свой отпечаток духовные устремления эпохи. Все вещи безудержно говорливы, надо только понять их язык.

— Судя по тому признанию, которое вы обрели, этот язык освоен вами в совершенстве. А когда возник ваш «диалог»?

— В раннем детстве. Родился я в театральной семье: мама, Татьяна Ильинична Гулевич, много лет проработала актрисой в Центральном Детском театре; отец, Александр Павлович Васильев,— театральный художник и живописец. (Вообще, вся моя родня была «при театре»: дядя работал режиссером в Малом театре, один двоюродный дед был оперным певцом, другой — знаменитый русский художник Михаил Васильевич Нестеров). У меня не было нянюшек, и с двухлетнего возраста я все время проводил в гримерных и кулисах. Я разглядывал волшебные костюмы, и мне казалось, что это и есть «красота жизни». В восьмилетнем возрасте меня стали приглашать на телевидение. Я вел передачи «Будильник» и «Театр «Колокольчик», снимался в телефильмах...

Я всегда был влюблен в костюмы, материальную культуру. В конце 60-х Москва нещадно разрушалась, и на помойках возле старых домов можно было найти все, что угодно: различные детали одежды XIX века, кресло из карельской березы, старинные сундучки, лорнеты, фамильные альбомы, трости... Я нес эти вещи домой и приводил их в божеский вид: мыл, сушил, реставрировал. Так, собственно, началась моя коллекция, которую я продолжаю собирать в Париже,— правда, уже не на помойках, а на аукционах, «блошиных» рынках. В моей сегодняшней коллекции около трехсот предметов костюма и его аксессуаров. Парижские музеи регулярно берут у меня вещи напрокат. Горжусь, что «Эрмитаж», устраивая выставку во Франции, одолжил у меня двадцать аксессуаров для пополнения коллекции.

— Понятно, что в выборе профессии у вас не было колебаний. Что явилось вашей школой, помимо детских увлечений?

— Во-первых, работа бутафором в театре «Современник». В течение сезона, в шестнадцать лет, я осваивал театральную «кухню» — красил «многоуважаемый» шкаф для «Вишневого сада», делал бутафорские книжки. А в 1976-м поступил в Школу-студию МХАТа, на постановочный факультет. Мне сразу доверили оформлять студенческие «отрывки», дипломные спектакли,— тогда-то я и попал впервые в костюмерную запасников МХАТа...

После защиты диплома меня пригласили в театр на Малой Бронной оформлять спектакль «Волки и овцы» (отец делал декорации, я — костюмы). Свой второй спектакль — «Бесприданница», в Комсомольске-на-Амуре,— оформлял самостоятельно... Вскоре я женился на француженке. Получив визу, поехал в Париж. Собирался вернуться через два месяца, в аспирантуру Академии художеств. Но обстоятельства сложились иначе...

— И что же, парижский период ваших исканий, как и в Москве, был безоблачным, счастливым?

— Знаете, приехав во Францию, я ощутил психологический шок, который длился у меня довольно долго. Я смутно представлял себе тогда, что такое европейская жизнь, плохо знал язык. У меня не было связей, сопроводительных бумаг, пришлось все начинать с нуля... Но случилось так, что уже через два месяца меня пригласили в Пуатье оформлять спектакль «Папесса Иоанна» (полумиф, полуправда о женщине, ставшей в XIII веке римским папой). После этой работы были положительные отзывы в прессе.

А потом выпало счастье. Я встретился с сыном художника Добужинского, 80-летним Ростиславом Мстиславовичем, тоже художником, который взял меня ассистентом. Чуть позже познакомился с 98-летним Дмитрием Дмитриевичем Бушеном, последним из живых художников «Мира искусства», а также с крупнейшим знатоком в области моды Эртэ, урожденным Романом Тыртовым, который уехал из Петербурга в Париж в 1914 году и недавно скончался в возрасте 97 лет.

Так я вошел в художественную среду «первой эмиграции». Люди преклонного возраста — мои лучшие друзья. Моя любимая подруга — 94-летняя Алисия Вронская, последняя актриса Императорского Мариинского театра, танцевавшая также в труппе Анны Павловой... Я встретился в Париже с людьми, которые рассказали мне о России и нашем искусстве гораздо больше, чем я мог узнать, будучи в Москве. Все они сохранили истинно русский вкус, истинно русское представление о том, что такое красота.

— У вас довольно замкнутый круг общения? Это в основном выходцы из России?

— Вовсе нет. Постепенно я вошел в парижскую театральную среду, и теперь у меня много друзей. Ну, а если говорить о русской эмиграции... В Париже около семидесяти тысяч бывших русских граждан и их потомков. Есть масса «своих» заведений: различные клубы, Морское собрание, Русская консерватория имени Рахманинова, которой руководит граф Петр Петрович Шереметьев, примерно двадцать ресторанов... Раз в год даются Императорские балы, где я непременно танцую кадриль с молодой графиней Апраксиной. Дворянские гнезда разорены в Советском Союзе, но они сохранились за границей. Общение с такими людьми приятно, потому что, как правило, это люди широкого кругозора, они многим интересуются. Хотя бывают и опустившиеся дворянские семьи... Вообще, могу сказать, что на Западе, как и раньше в России, мне все время везет на хороших людей.

— Начало интернациональной популярности тоже связано с такого рода везением?

— Несомненно! Освоившись в Париже, я стал путешествовать: Америка, Италия, Испания, Скандинавия... Я ходил по музеям, выставкам — готовил новые диапозитивы для своих лекций по истории костюма.

Так вот, в один прекрасный день в самолете исландской авиакомпании, совершавшем рейс в Америку, некий господин обратил внимание на мой большой портфель, где обычно я вожу свои эскизы. Представился: «Директор Исландского национального театра» и, заинтересовавшись рисунками, добавил: «Могли бы вы сойти со мной на следующей остановке?» Я сошел в Рейкьявике и получил контракт на оформление чеховского «Платонова». А в Париже меня ждала телеграмма: «Королевский балет Фландрии приглашает оформить балет Шостаковича «Идиот». Постановку осуществлял Валерий Панов, который прославился по всему миру вместе с женой, Галиной Рогозиной, бывшей солисткой Ленинградского Кировского театра. У нас образовалось отличное «трио».

Судьба свела с Юрием Петровичем Любимовым, когда он ставил «Евгения Онегина» в Бонне. Я был счастлив получить заказ от Майи Михайловны Плисецкой — нарисовал эскизы для ее римской постановки «Чайки». Чрезвычайно приятно было работать в Лиссабоне над советско-португальским «Дон Кихотом» с нынешними звездами Большого театра Ниной Ананиашвили и Алексеем Фадеечевым. Новые возможности открыло кино, я «одевал» Натали Бэй, Шарля Азнавура, Пьера Ришара...

— В нашей беседе вы упомянули представителей школы «Мир искусства», объединившей в начале XX века художников, которые, как известно, создали для русского костюма мировую славу. На Западе вас нередко воспринимают как художника, близкого по духу «мирискусснику». А сами вы ощущаете эти корни?

— Мне всегда нравилось творчество Бакста, Билибина, Бушена, Добужинского, Сомова. Выйдя из русской школы, почти все «мирискусснику» работали на Западе. Это их обогатило. Теперь и я понимаю, что нельзя рисовать эскизы, допустим, к «Ромео и Джульетте», не побывав в Вероне... «Мирискусснику» работали в разных стилях, но всех их роднит эстетизм и высокий вкус, порой не свойственный современности.

Вскоре в Лондоне в музыкально-театральной галерее «Челси» откроется выставка «Русская коллекция», где, наряду с эскизами художников «Мира искусства», будут представлены и мои работы (единственного из современных авторов). Для меня это высшая похвала.

— А привлекает вас, с профессиональной точки зрения, современная мода?

— Если обратиться к истории костюма, то мы увидим, что мода конца века (будь то XVIII или XIX столетие) никогда не была созидательной. Такова и современная мода: без конца повторяются модели 30—50-х годов, практически из тех же тканей, с тем же силуэтом. Правда, сейчас мода заметно «поправела». Теперь французские дизайнеры Кристиан Лакруа и Жан-Поль Готье возвращают женщине строгий силуэт, с утянутой талией, на манер 30-х годов, а мужчинам — мужественный стиль. Перерождение моды обычно происходит на рубеже веков. Так что подождем лет семь... Мне предлагали рисовать современные эскизы,— я пробовал, но, думаю, у меня нет таланта делать воспоминания о будущем.

— Западная пресса пишет не только о Васильеве-художнике, коллекционере, педагоге, но и о Васильеве — жертве моды.

— Конечно, за модой я слежу довольно внимательно. Скажем, когда Готье ввел в моду бакенбарды, я тут же их отрастил и прическу сделал а-ля Хлестаков, когда она стала популярной, а в другое время у меня другие прически. Но у меня есть свой стиль, стиль декадентствующего аристократа, что ли. Я люблю носить фраки, банты, мне нравится, что на моей каракулевой шляпе — чучело птицы. Ведь по внешнему облику, еще до того, как открываешь папку с рисунками, решают, стоит заключать с тобой контракт или нет.

— Имидж — атрибут вашей профессии?

— Это семьдесят процентов успеха. На Западе границы открыты, выбор специалистов большой. Каждый борется за свой успех, за свое выживание. Если у вас нет колоссальной работоспособности, если вы не выполняете работу в срок, не повышаете свои знания, не развиваете способности,— вас выжмут, как лимон, и перейдут к следующему «номеру программы».

— Выходит, и разъезды, кочевой образ жизни — для вас условие борьбы за успех?

— В Париже, действительно, я бываю теперь не больше трех дней в месяц. Я столько скачу из страны в страну, что работать приходится в самолете, гостинице, театре. Мечтал бы о мастерской, о работе в более спокойной атмосфере. Но, увы... В год я делаю семь-восемь постановок. Это много и мало. Есть художники, которые оформляют более десяти. Но им пятьдесят лет. Так что, думаю, я на хорошем пути.

Скоро вновь прилечу в Москву. Меня радует перспектива сотрудничества с Советским Союзом; чувствую себя русским художником и продолжаю на Западе русские традиции. Я открыт для любых предложений советских коллег; всегда выкрою время, если смогу принести России пользу.

Вадим ВЕРНИК.

НА СНИМКЕ: Александр Васильев в костюме графа Альмавивы, изготовленном по его эскизам для «Женитьбы Фигаро» в Исландской национальной опере.